

ПОЭЗИЯ

Илья РЕЙДЕРМАН У моря жить, у моря умереть... ..181
Анатолій ГЛУЦАК Вірші без назв 188
Анатолій ГЛАНЦ Вот такой я теперь... ..196
Ирина БЕНЬКОВСКАЯ Гавана 206
Алена ЩЕРБАКОВА В сторону -от- 209
Алена БЕЛЯКОВА Звезда 213

Илья РЕЙДЕРМАН

У моря жить, у моря умереть...

Мой город

"...на выученный наизусть бульвар..."

Иосиф БРОДСКИЙ

Да, выученный наизусть бульвар.
Гуляй с женою, тещею, детьми.
Морской вокзал, гостиницы кошмар
и море, что уморено людьми.
Вдруг понимаешь, как тоскует Дюк,
что повернулся к городу спиной.
Должно быть, знает он, какой уют
прошелся и разгладил лик живой —
чтоб иностранец никаких морщин
не видел! Чтобы лживо-молодым
был город, взглядом бодрым и пустым
глядел, почти дремля под шорох шин.
Мой город — как корабль, что сел на грунт.
Шумят, орут — да только не плывут.
В нем нынче быть талантливым — не фунт
изюма. В нем заметней — те, кто врут.
...Позорно молод город, сам ты — стар.
Шагай и от раздумий сатаней.
Да, выученный наизусть бульвар.
С кем говорить? О, без родных теней,
что в старых прячутся еще домах,
что в памяти, в истории, в судьбе,
без тех, кто, даже превратившись в прах,
живей иных, хохочущих в толпе, —
без них и вовсе жизнь была бы пресной.
Мы с ними дышим воздухом одним,
с великими — и с вовсе неизвестной
особой, что присутствием своим
окрасила мой город странной дымкой,
живым и теплым сделала его.

Поговорю я с этой невидимкой,
чтоб скрасить пошлой жизни торжество.
Мать позову, ее друзей, подруг
(и Ойстрах — среди них!). Как молод каждый!
И вновь услышу этой скрипки звук.
И задохнусь от радости, от жажды,
от воли и нахлынувшей волны,
от жизни, что ушла — да не исчезла.
Мой город спит — и видит эти сны.
В полночных залах — рукоплещут кресла.
И в воздухе ночном — восторг и хмель.
И жизнь кипит. И вдохновенье хлещет.
Мой город спит. Тесна ему постель.
Он руки разметал. И море плещет.
Мой город, все тебе прощу грехи я.
Пусть держит Дюк святого свитка медь,
пускай шумит свободная стихия.
У моря жить. У моря умереть.

Евгению Голубовскому

О, сколько самообладания
у лошадей простого звания,
не обращающих внимания
на трудности существования.

Анатолий ФИОЛЕТОВ

Есть Багрицкий и есть Фиолетов...
Сколько в радуге разных цветов!
Яркой краскою метит поэтов
этот лучший из всех городов.
Здесь поэт — непременно художник.
Как он краски бросает, злодей!
Из острога сбежавший острожник,
упоенный свободой своей.
Как он любит неосторожно,
как он неосторожно живет!

Невозможное — все же возможно.
Чистый цвет нам дарит небосвод.
Эти краски — из райского сада,
те, какими их выдумал Бог.
И такое неистовство взгляда —
позавидует даже Ван Гог!
Разве нет уже этих поэтов?
Разве слову цветному — конец?
Ночью неба клочок — фиолетов,
а деревья — одеты в багрец.
Ну а нынешние, молодые?
Я готов им простить все грехи —
пусть берут псевдонимы цветные,
чтобы радугой были стихи!
Жизнь, быть может, излишне сурова,
да и город — как будто не тот,
но основа всего — это слово,
что сияет с небесных высот.
Только выдохни воздух из легких —
чтобы шарик воздушный взлетел.
Может, дело — не очень из легких,
ну да что же — таков наш удел.
Ношу, лошадь, вези, хоть крылата, —
пусть устала и сил маловато...
Ну а трудности существования
в самом деле — не стоят вниманья.

* * *

Шумит волна, сама собой полна.
Ни радостна она и ни печальна.
Она, должно быть, просто изначальна,
как небо, камни, степь и тишина.
Кто, с берега шагнув, ее встречал
всем существом своим, всей кожей, телом,
тот прикасался к воле тех начал
и становился хоть на миг — да целым,
не придорожным камнем, не песчинкой,

не тем, кто затоскует, одинок,
а мира, моря дорогой кровинкой,
его, хоть он и мал, — увидит Бог.
О, нежное прикосновенье влаги,
ладонь, что поднимает и несет.
Вручи себя волне, ее отваге,
как лодка, снявшись с якоря забот.
И вдруг поймешь: заботы так нелепы,
а жизнь — всегда самоотдача, риск,
когда волна тебя вздымает в небо,
и радуга — среди соленых брызг.

Лиман

Пустынный берег. Жесткая трава,
колючки, камни, да кустарник чахлый
с цветами желтыми, что сладко пахли,
и неба выцветшая синева...
И кажется: остановилось время,
и можно сбросить этот тяжкий груз,
всегда нам докучающее бремя,
и с вечностью немой вступить в союз.
Она нас обнимает, нежит, лечит
и укачает, словно колыбель.
О ней стрекочет без конца кузнечик.
Каким далеким кажется отсель
все то, что за спиной! Вот муравей
задумался: правей или левей?
Назад ли повернуть? А может — прямо?
Бедняга заблудился. Вот где — драма.
Ах, нужно ль что-нибудь еще? Покой —
как будто Бог коснулся нас рукой,
и эта — на плече — его рука,
как лето ласкова, как облака легка...

* * *

Большой Фонтан. Не вижу я фонтана
нигде... Лишь с хлоркою — вода из крана,
да грязная соленая вода.
Фонтана нет — и не сыскать следа.
Но это, право, вовсе не беда —
лишь имя назови, произнеси лишь имя...
Фонтан бьет в небо! Как вода чиста!
И радуга стоит во влажном дыме.
И детство, улетающая птица,
все время возвращается назад,
в который раз даря прощальный взгляд.
Гляди же, как дитя! Тебе не снится
весь этот мир. И солнце. И песок.
Тринадцатая станция Фонтана.
И камешек, попавший под висок,
и радость, что как море — неустанна.
Старик, в тебе дитя — смеется, плачет
и с пирса прыгает вниз головой.
И жизни путь — как будто только начат.
И бьет фонтан. И ты еще живой.

* * *

Здесь раньше был "Два Карла" — кабачок.
Какой-нибудь последний дурачок,
быть может, думал: всякий Карл — велик.
Но тот, считавшийся великим, сник,
а с ним его соратники лихие.
Иные наступили времена.
И улицы — сменили имена,
и вывески повесили другие.
История, как дворник, что метлой
сметает грубо прошлое долой,
но мы-то разве все уже забыли?
Здесь кабачок "Два Карла", здесь мы пили.
История — как мусорный бачок,
в котором мы и этот кабачок,
и молодость, и мысли, и прозренья?..

Нет, длится все... Обман ли это зренья,
способность видеть то, чего уж нет?
Воображенье? Стариковский бред?
Ах, в самом деле, понимает город
совсем не тот, кто беспредельно молод, —
тот, кто дополнит видимую часть
невидимым, не даст ему пропасть.
Вот плоскость зримого — а вот объем
того, что мы зовем житьем-бытьем,
работою, беседой, развлечением...
Вот город, ставший счастьем и мученьем.

* * *

"В Одессе нет поэтов или есть?" —
звучит вопрос на языке одесском.
Конечно, есть, — да нужно их прочесть
и в этой жизни не считать довеском.
Неужто же спортсмен иль депутат
нужней того, кто в жизни верит чуду?
Политики поэтам ставят мат.
Не оттого ли — мат звучит повсюду?
Поэт в Одессе больше чем поэт,
поскольку солнца жар и моря буйство,
фантазии неугомонной бред,
влюбленности и южный градус чувства —
все он в себе вмещает — вопреки
господству прозы, трезвого расчета.
Так захмелейте от его строки,
припомните забывшееся что-то...
Поэзия — как солнечный удар.
Бойтесь солнца — так наденьте шляпы.
В стихотворенье — мир дается в дар,
он свеж и чист. В нем небо, море, крабы.
В нем водорослей запах, ночи, дни,
все то, что было, да сегодня сплыло,
прекраснейшего города огни,
и разговоры до седьмого пыла...

"Поэтов есть в Одессе или нет?"
Поэт всегда, конечно, под вопросом.
Упорствуя, он будет голым, босым,
рифмуя мир. В его стихах — ответ.
Ему для рифмы нужен ты, читатель,
ведь без тебя строка — не так звучит...
А спонсор где? Издатель? Покупатель
книжонки тощей, что лежит-молчит?
Все, что дает тебе поэт, — прими.
Жизнь, что не в рифму, — просто нездорова.
И этот стих — как дыню разломи,
вкушая сладость радостного слова.

